

З. ХАРМС
РИСУНКИ
З. КРУЖЖЕРА

О том как старушка

Письмо сыну. Старушке много лет

20 коп.

Чернила покутала

$\frac{2 \text{ и } 3}{1290229}$

ДАНИИЛ ХАРМС

О ТОМ, КАК СТАРУШКА ЧЕРНИЛА ПОКУПАЛА

РИСУНКИ И ОБЛОЖКА
Э. КРИММЕРА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА   1929   ЛЕНИНГРАД

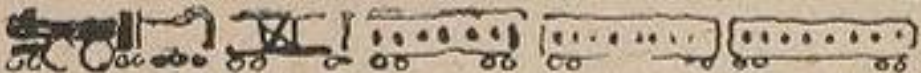

На Кособокой улице, в доме № 17

жила одна старушка. Когда-то жила она

вместе со своим мужем и был у неё сын. Но сын вырос большой и уехал, а муж умер, и старушка осталась одна.

Жила она тихо и мирно, чаёк попи-
вала, сыну письма посылала, а больше
ничего не делала.

Люди же говорили про старушку, что
она с луны свалилась.

Выйдет старушка другой раз летом
на двор, посмотрит вокруг и скажет:

— Ах ты, батюшки, куда же это
снег делся?

А соседи засмеются и кричат ей:

— Но, виданое ли дело, чтобы снег
летом на земле лежал? Ты что,
бабка, с луны свалилась, что ли?

Или пойдет старушка в керо-
синную лавку и спросит:

— Почем у вас французские
булки?

Приказчики смеются:

— Да что вы, гражданка, откуда ж у
нас французские булки? С луны вы что
ли свалились!

Ведь вот такая была старушка!

Была раз погода хорошая, солнечная, на небе ни облачка. На Кособокой улице пыль поднялась. Вышли дворники улицу поливать из брезентовых кишок с медными наконечниками. Льют они воду прямо в пыль, сквозь, на вылет. Пыль с водой вместе на землю летит. Вот уж

лошади по лужам бегут, и ветер без пыли летит пустой.

Из ворот 17-го дома вышла старушка. В руках у неё зонтик с большой блестящей ручкой, а на голове шляпка с черными блёстками.

— Скажите, — кричит она дворнику, — где чернила продаются?

— Что? — кричит дворник.

Старушка ближе:

— Чернила! — кричит.

— Сторонись! — кричит дворник, пускающая струю воды.

Старушка влево, и струя влево.

Старушка скорее вправо, и струя за ней.

— Ты что, — кричит дворник, — с пуны свалилась, видишь, я улицу поливаю!

Старушка только зонтиком махнула и дальше пошла.

Пришла старушка на рынок, смотрит: стоит какой-то парень и продает судака большого и сочного, длиной с руку, толщиной с ногу. Подкинул он рыбу на руках, потом взял одной рукой за нос, покачал, покачал

и выпустил, но упасть не дал, а ловко поймал другой рукой за хвост и поднес старушке.

— Во, — говорит, — за рупь отдам.

— Нет, — говорит старушка, — мне чернила...

А парень ей и договорить не дал.

— Берите, — говорит, — не дорого прошу.

— Нет, — говорит старушка, — мне чернила...

А тот опять:

— Берите, — говорит, — в рыбе пять с половиной фунтов весу, — и как бы от усталости взял рыбу в другую руку.

— Нет, — сказала старушка, — мне чернила нужны.

Наконец-то парень расслышал, что говорила ему старушка.

— Чернила? — переспросил он.

— Да, чернила.

— Чернила?

— Чернила.

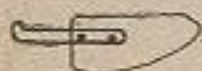
— А рыбы не нужно?

— Нет.

— Значит, чернила?

— Да.

— Да вы что, с луны что-ли свалились! — сказал парень.

— Значит нет у вас чернил, — сказала старушка и дальше пошла.

— Мяса парного пожалуйста! — кричит старушке здоровенный мясник, а сам ножом печенки кромсает.

— Нет ли у вас чернил? — спросила старушка.

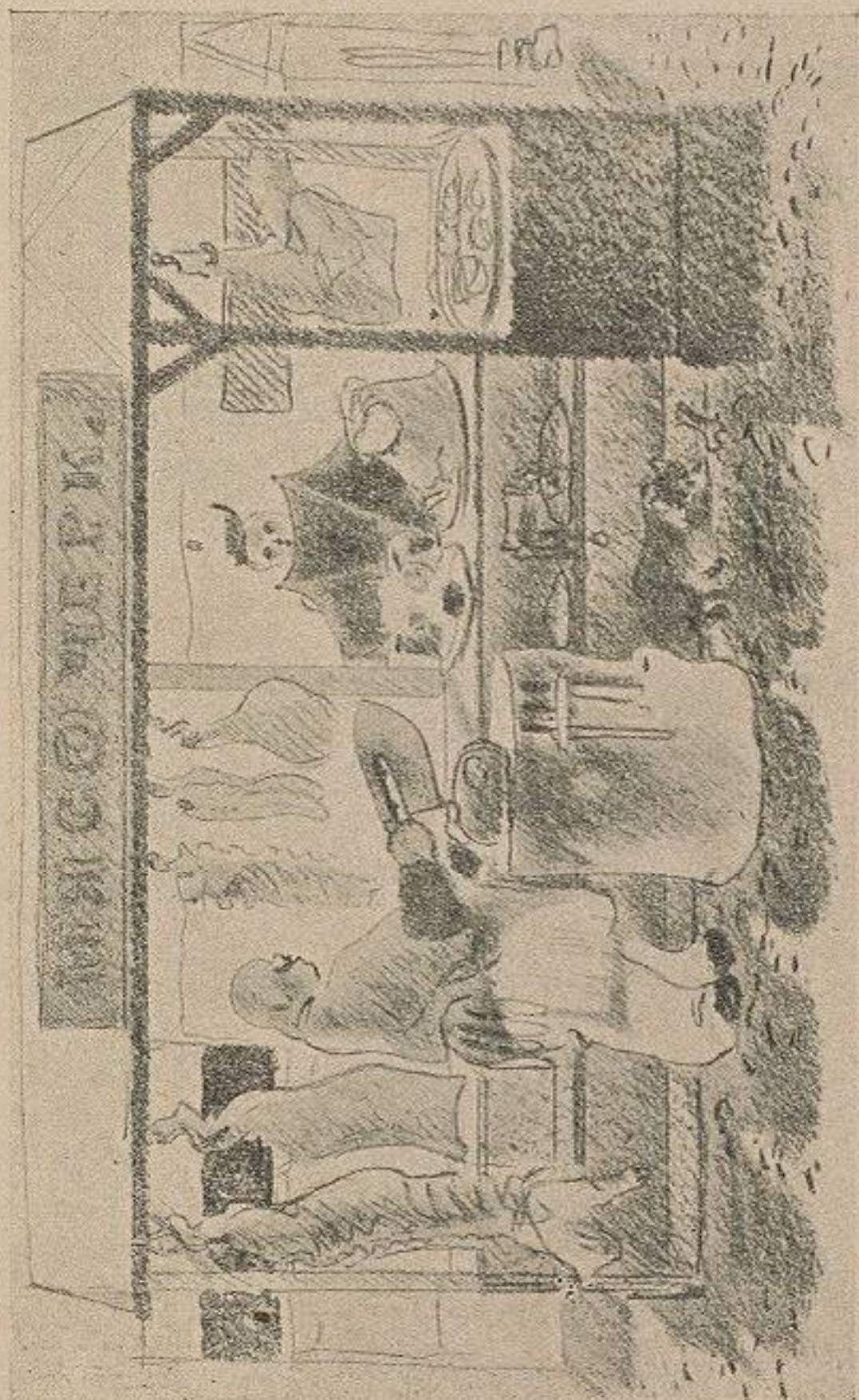
— Чернила! — заревел мясник, таща за ногу свиную тушу.

Старушка скорее подальше от мясника, уж больно он толстый да свирепый, а ей уж торговка кричит:

— Сюда пожалуйста! Пожалуйста сюда!

Старушка подошла к её ларьку и очки надела. А торговка улыбается и протягивает ей банку с черносливами.

— Пожалуйста, — говорит, — таких нигде не найдете.

Старушка взяла банку с ягодами, повертела её в руках и обратно положила.

— Мне чернила нужны, а не ягоды, — говорит она.

— Какие чернила — красные или черные? — спросила торговка.

— Черные, — говорит старушка.

— Черных нет, — говорит торговка.

— Ну тогда красные, — говорит старушка.

— И красных нет, — сказала торговка.

— Прощайте, — сказала старушка и пошла.

Вот уж и рынок кончается, а чернил нигде не видать.

Вышла старушка из рынка и пошла по какой-то улице.

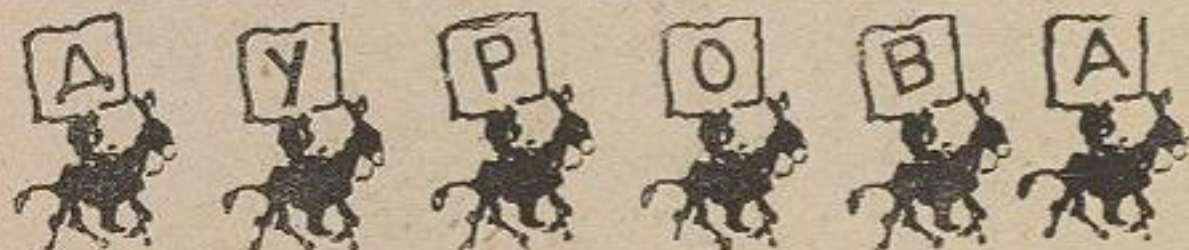
Вдруг смотрит — идут друг за дружкой,

медленным шагом, пятнадцать ослов.

На переднем осле сидит верхом человек

и держит в руках большущее знамя. На других ослах тоже люди сидят и тоже в руках вывески держат.

„Это что ж такое?“ — думает старушка. „Должно быть это теперь на ослах как на трамваях ездят“. — „Эй! — крикнула она человеку, сидящему на переднем осле. Обожди немного. Скажи, где чернила продаются?

А человек на осле не расслышал видно, что старушка ему сказала, а поднял какую-то трубу с одного конца узкую, а с другого широкую, раструбом. Узкий конец приставил ко рту да как закричит туда, прямо старушке в лицо, да так, что за семь верст услышать можно:

**СПЕШИТЕ УВИДЕТЬ ГАСТРОЛИ
ДУРОВА.**

**В ГОСЦИРКЕ! В ГОСЦИРКЕ!
МОРСКИЕ ЛЬВЫ — ЛЮБИМЦЫ
ПУБЛИКИ.**

**ПОСЛЕДНЯЯ НЕДЕЛЯ!
БИЛЕТЫ ПРИ ВХОДЕ!**

Старушка с испуга даже зонтик уронила. Подняла она зонтик да от страха руки так дрожали, что зонтик опять упал.

Старушка зонтик подняла, покрепче его в руках зажала, да скорей, скорей по дороге, да по панели повернула из одной улицы в другую и вышла на третью широкую и очень шумную.

Кругом народ куда-то спешит, а на дороге автомобили катят и трамваи грохочут.

Только хотела старушка на другую сторону перейти, вдруг:

— Тарар - арарар - арар -
rrrrrr! — автомобиль орет.

Пропустила его старушка, только на дорогу ступила, а ей:

— Эй, берегись! —
извозчик кричит.

Пропустила его старушка и скорей на ту сторону побежала. До середины дороги добежала, а тут:

Джен-джен! Динь-динь-динь! — трамвай несется.

Старушка было назад, а сзади:

 Пыр-пыр-пыр-пыр! — мотоцикл лет трещит.

 Совсем перепугалась старушка, но хорошо добрый человек нашелся, схватил он её за руку и говорит: — Вы что,—говорит—будто с луны свалились! Вас же задавить могут.

И потащил старушку на другую сторону.

Отдышалась старушка и только хотела доброго человека о чернилах спросить, оглянулась, а его уж и след простыл.

Пошла старушка дальше, на зонтик опирается, да по сторонам поглядывает, где бы про чернила узнать. А ей навстречу идет старичок с палочкой. Сам старенький и седенький. Подошла к нему старушка и говорит:

— Вы, видать, человек бывалый, не знаете ли, где чернила продаются?

Старичок остановился, поднял голову,

подвигал своими морщинками и задумался. Постояв так немного, он полез в карман, достал кисетик, папиросную бумагу и мундштук. Потом медленно свернул папиросу и, вставив её в мундштук, спрятал кисетик и бумагу обратно и достал спички. Потом закурил папиросу и, спрятав спички, прошамкнул беззубым ртом:

— Шешиши пошаются в макашише.

Старушка ничего не поняла, а старичок пошел дальше.

Задумалась старушка.

Чего это никто про чернила толком сказать ничего не может.

Не слыхали они о чернилах никогда, что ли?

И решила старушка в магазин зайти и чернила спросить. Там-то уж знают.

А тут рядом и магазин как раз. Окна большие, в целую стену. А в окнах всё книги лежат.

„Вот, думает старушка, сюда и зайду. Тут уж наверно чернила есть, раз книги лежат. Ведь книги-то, чай, пишутся чернилами“.

Подошла она к двери, двери стеклянные и странные какие-то. Толкнула старушка дверь, а её саму что-то сзади подтолкнуло. Оглянулась, смотрит — на неё другая стеклянная дверь едет.

Старушка вперед, а дверь за ней. Всё вокруг стеклянное и всё кружится. Закружилась у старушки голова, идет она и сама не знает, куда идет. А кругом всё двери, двери, все они кружатся и старушку вперед подталкивают.

Топталась, топталась старушка вокруг

чего-то, насилу высвободилась, хорошо еще, что жива осталась.

Смотрит старушка — прямо большие часы стоят и лестница вверх ведет. Около часов стоит человек. Подошла к нему старушка и говорит:

— Где бы мне про чернила узнать?

А тот к ней даже головы не повернул, oo! показал только рукой на какую-то дверку, небольшую, решетчатую.

Старушка приоткрыла дверку, вошла в неё, видит — комната, совсем крохотная, не больше шкафа. А в комнатке стоит человек. Только хотела старушка про чернила его спросить...

Вдруг: Дзинь! Дджжжииин! и начал пол вверх подниматься.

Старушка стоит, шевельнуться не смеет, а

в груди у неё будто камень расти начал. Стоит она и дышать не может. Сквозь дверку чьи-то руки, ноги и головы мелькают, а вокруг гудит, как швейная машинка. Потом перестала гудеть и дышать легче стало. Кто-то дверку открыл и говорит:

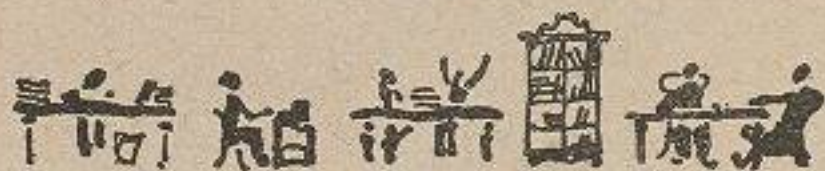
— Пожалуйста, приехали, шестой этаж, выше некуда.

Старушка, совсем как во сне, шагнула куда-то, выше, куда ей показали, а дверка за ней захлопнулась и комнатка-шкапик опять вниз поехала.

Стоит старушка, зонтик в руках держит, а сама отдышаться не может. Стоит она на лестнице, вокруг люди ходят, дверьми хлопают, а старушка стоит и зонтик держит.

Постояла старушка, посмотрела, что кругом делается, и пошла в какую-то дверь.

Попала старушка в большую, светлую комнату.

Смотрит
— стоят

в комнате столики, а за столиками люди

сидят. Одни, уткнув носы в бумагу, что-то пишут, а другие стучат на пишущих машинках. Шум стоит будто в кузнице, только в игрушечной.

Направо у стенки диван стоит, на диване сидят толстый человек и тонкий. Толстый что-то рассказывает тонкому и руки потирает, а тонкий согнулся весь, глядит на толстого сквозь очки в светлой оправе, а сам на сапогах шнурки завязывает.

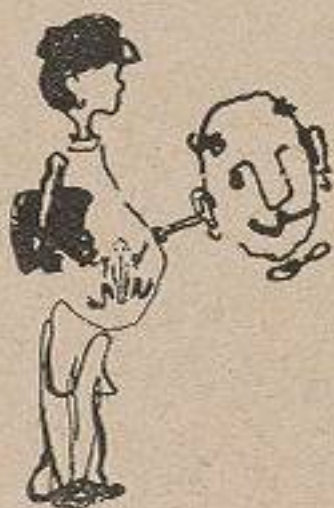

— Да, — говорит толстый, — написал я рассказ о мальчике, который лягушку проглотил. Очень интересный рассказ.

— А я вот ничего выдумать не могу о чем бы написать, — сказал тонкий, продевая шнурок через дырочку.

— А у меня рассказ очень интересный, — сказал толстый человек. — Пришел этот мальчик домой, отца его спрашивает, где он был, а лягушка из живота отвечает: ква-ква! Или в школе: учитель

спрашивает мальчика, как по-немецки „с добрым утром“, а лягушка отвечает: ква-ква! Учитель ругается, а лягушка: ква-ква-ква! Вот какой смешной рассказ, — сказал толстяк и потерял свои руки.

— Вы тоже что-нибудь написали? — спросил он старушку.

— Нет, — сказала старушка, — у меня чернила все вышли. Была у меня баночка, от сына осталась, да вот теперь кончилась.

— А что, ваш сын тоже писатель? — спросил толстяк.

— Нет, — сказала старушка, — он лесничий. Да только он тут не живет. Раньше я у мужа чернила брала, а теперь муж умер, и я одна осталась. Нельзя ли мне у вас тут чернила купить? — вдруг сказала старушка.

Тонкий человек завязал свой сапог и посмотрел сквозь очки на старушку.

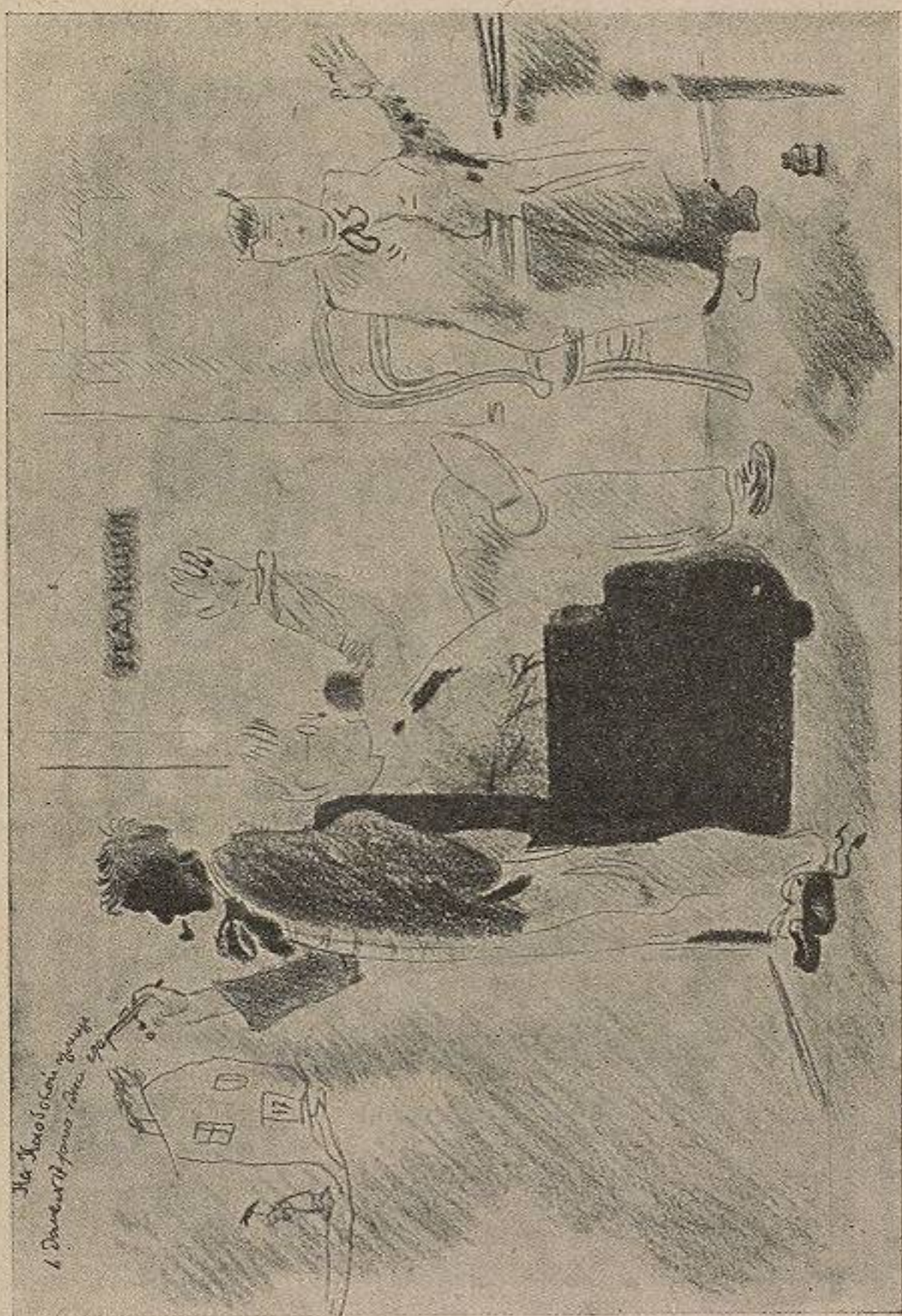
— Как чернила? — удивился он.

— Чернила, которыми пишут, — пояснила старушка.

— Да ведь тут чернил не продают, —

сказал толстый человек и перестал потирать свои руки.

— Вы как сюда попали? — спросил тонкий, вставая с дивана.

— В шкафу приехала, — сказала старушка.

— В каком шкафу? — в один голос спросили толстый и тонкий.

— В том, который у вас на лестнице вверх и вниз катается, — сказала старушка.

— Ах, в лифте! — рассмеялся тонкий, снова садясь на диван, так как теперь у него развязался другой сапог.

— А сюда вы зачем пришли? — спросил старушку толстый человек.

— А я нигде чернил найти не могла, — сказала старушка, — всех спрашивала, никто не знал. А тут, смотрю, книги лежат, вот и зашла сюда. Книги-то, чай, чернилами пишутся!

— Ха, ха, ха! — рассмеялся толстый человек. — Да вы прямо как с луны на землю свалились!

— Эй, слушайте!—вдруг вскочил с дивана тонкий человек. Сапога он так и не завязал, и шнурки болтались по полу.

— Слушайте, — сказал он толстому, — да ведь вот я и напишу про старушку, которая чернила покупала.

— Верно, — сказал толстый человек и потер свои руки.

Тонкий человек снял свои очки, подышал на них, вытер носовым платком, одел опять на нос и сказал старушке:

— Расскажите вы нам о том, как вы чернила покупали, а мы про вас книжку напишем и чернил дадим.

Старушка подумала и согласилась.

И вот тонкий человек написал книжку:

**О ТОМ, КАК СТАРУШКА
ЧЕРНИЛА ПОКУПАЛА.**

В. ХАРМС
рисунки
Э. ПРИЖАЕВ

О том как старушка

Письмо деду. Старушке 15 лет.

Чернила покупала $\frac{2 \text{ и } 3}{1 \cdot 9 \cdot 2 \cdot 9}$